

П-38
Кр.

ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ

482320

Перевод с английского
1969 г.

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1949

кр.

269894.
—06.

МОЛОДОЕ

Алтайское краевое издательство
Барнаул, 1949

Ив. ШУМИЛОВ

На Липки!

(Рассказ)

1.

В старом сарае, на скирде свежего сена, лежит раненый Борков. Очередь автоматных пуль прошла его тело. Благодаря тому, что кость осталась невредимой, лечение обошлось без хирургии, но затянулось.

Как и всякий больной, Борков обвинял в длительности лечения не природу человеческого тела, а внешние условия, был уверен, что лечись он в госпитале, а не в этом сарае—давно бы уже встал в строй.

Сильнее всяких болей были душевные терзания Боркова. Мучило его одиночество и сознание непоправимости происшедшего.

Несколько дней назад партизанская группа Боркова разбила немецкий гарнизон в селе Н. Операция затянулась до утра, и группа возвращалась, когда было уже совсем светло.

Возбужденные боем партизаны шли по лесной дороге, разговаривая и смеясь. И вдруг на них обрушился огонь немецкой засады. «Стрелять только по целям!» —скомандовал Борков, когда люди его залегли и многие из них уже были ранены. Потом от острой боли оцепенели у Боркова сразу плечо, рука и нога, а в эту минуту он увидел бегущих на него немцев. Но голубые фигурки врагов вдруг исчезли, подхваченный кем-то из товарищей Борков устремился вперед, однако не бежал, а плыл, летел... Тогда, видимо, и оборвались последние проблески его сознания.

Очнулся Борков в этом сарае. В сумерках удалось ему разглядеть склонившееся над ним девичье, с темными глазами.

лицо. «Где я?» — спрашивал усталый, воспаленный взгляд Боркова.

— Не узнаете? Ничего, не беспокойтесь, вы у своих...

Как ни напрягал Борков память, а вспомнить, где он видел это девичье лицо, — не мог.

— Ваши раны заживут, — мягко и ласково, как воркованье голубки, звучали слова девушки. — Жить будете!

«Да, да, ведь я уже ранен... Она меня спасла. «Спасибо, девушка», — хотел сказать, но только подумал Борков.

— Вы потеряли много крови и очень ослабли, товарищ, — словно музыка, звучало над ухом. «Где же я? Надо бы спросить», — думал Борков, а тяжелые, неподвластные ему веки закрывались.

— Я ненадолго уйду... Вы только не стоните, а то бывает — тут около сарая бегают мальчишки, могут услышать...

Девушка удалилась, скрипнули ворота, щёлкнул замок.

«Меня закрыли на замок... Где я? Что со мной?»

Ощутив при движении невесомость своего тела, закрученного в бинты, Борков осмотрелся. Белая подушка, чистая простыня, мягкое одеяло. Сарай полон свежего сена. А за стенами течет жизнь: гроыхает по булыжнику улицы повозка; скрипит, присвистывая, крюк колодезного вала; кудахчет курица; лениво, монотонно мычит теленок; а в отдалении урчит конноприводная молотилка, иногда от нее доносится сильный голос погонщика: «Н-но-о-о!»

«Уж не в немецкий ли гарнизон я угодил? Вылечат, а потом — на допрос, на пытки...» Эта мысль так всколыхнула больного, что, напрягая остаток сил, он попытался дотянуться до стены, чтобы выглянуть в щель.

— Ой! — вскрикнул Борков и, скрипя зубами, упал на подушку.

Потянулись дни лечения. Девушка, назвав себя Стефой, приходила к больному по несколько раз в день. Заботливыми, тонкими руками она часто раскручивала бинты, промывала раны.

Для Боркова его спасение все ещё оставалось загадкой. Часто он спрашивал об этом Стефу. Девушка отмалчивалась, а если отвечала, то неопределенно, сухо. Поэтому сегодня Борков был особенно настойчив.

— Ведь вы и спасли меня на свою голову. Теперь ухаживаете за мной, прячете меня, а сами дрожите, боитесь.

— Нисколько...

— А все-таки—зачем вы приняли на себя такую обузу?
Девушка недоуменно посмотрела на Боркова.

— Какой вы... наивный,—и покраснела, застыдившись этого слова.

— А все-таки—зачем?—допытывался Борков.

— Уж если хотите знать—вас спасла не я... Дедушка мой. Вечером привозит березовые сучья, забегает в хату серьезный и радостный и ко мне: «Давай подушку и одеяло, да быстрей!» Вышла я к возу, а в березовых сучьях вы лежите, посинели, в крови... Испугалась я, охнула, а дед кричит на меня шопотом громким: «не охай, постелю в сарае стели, не видишь, раненый!»

— Что ж дед не приходит ко мне?

— Теперь он уехал. Как приедет—навестит...

Каждый раз Борков с чувством радости встречал Стефу. Он рассказывал ей о своих товарищах, теперь потерянных, она слушала его, волнуясь, и переспрашивала, а когда он замолкал, и глаза его, потухая, заволакивались грустью, она увещевала:

— Вы не тоскуйте, не надо... Думать о плохом—самому хуже делать.

От этих слов, горячих и простых, ему становилось легче.

Иногда, в минуты одиноких раздумий, Борков спрашивал себя: «Может быть, я виновен в гибели товарищей, может, я не досмотрел?» И отвечал: «Все случайности на войне не предусмотреть». От этого вывода ему становилось немного легче.

Так, в беспокойстве, проходили дни и ночи.

А между тем раны заживали. Иногда он уже ходил, вернее, пытался ходить.

Однажды Стефа застала Боркова на ногах.

— Ложитесь теперь же!—испуганно-строго прошептала она. — И не стыдно вам, Борис Ильич! Раны еще опасны... Вы затягиваете лечение.

Он покорно лег на постель.

— Борис Ильич, я вам кое-что принесла.—Девушка развернула полотенце, и Борков увидел маленькое зеркальце, стакан с водой, бритву.—Побрейтесь, а то вы похожи на лесного разбойника...

— На Соловья-Разбойника?—засмеялся Борков.

— На соловья—ничуть, а разбойник вылитый. Весь черный!

— Вот и хорошо. Немцы одного вида моего испугаются...

Вместе с выздоровлением к Боркову приходила бодрость духа. Иногда ночами он выбирался из сарая и подолгу стоял

или прохаживался по двору. В низком небе без конца плыли нагромождения чёрных, холодных туч, тощий осколок месяца барахтался в них, плывя навстречу им быстро-быстро... Пахло глинистой сыростью, прелым листом берез, шумевших на пригорке...

В такие минуты Боркову вспоминалась семья: жена и семилетний сынишка, уехавшие перед войной в Сибирь, погостить у родственников. «Где-то они теперь?»

Детски наивно, смешно звучал сейчас наказ жены: «К моему приезду чтобы ты завел себе шляпу...» Жена любила пикантность в одежде и — нечего греха таить — надоедала Боркову то с галстуком, то с запонками, то с манишками.

«Придётся ли ещё увидеться? Война большая, суровая...»

Представлялась Боркову страна, лежащая по ту сторону фронта—огромная, с миллионами хороших людей. Как хотелось в эту минуту быть с ними, насмерть стоять в бою или до упаду работать у станка—только чтобы не пустить дальше врага!..

«Там война, а здесь—глушь, затишье... Но это только внешне. Война—в сердце каждого нашего человека. Надо только поднять людей—и здесь будет большая война!»

Чувствовал Борков, что в нем копится сила, способная повести эту большую войну.

В одно из утр он проснулся от шума мотора.

— В веску немцы едут!—тревожно сообщила прибежавшая Стефа, испуганно и участливо глядя на Боркова, словно прощаясь с ним. — Может, узнали про вас?

Хромая, Борков поспешил к воротам.

— Успокойся, Стефа, иди в хату, сейчас же иди... До лесу далеко?

Девушка схватила Боркова за плечо.

— Куда? Вы с ума сошли? Поздно уже, нельзя...

Борков чувствовал дрожь её губ, хотя смотрел не на неё, а в щель сарая—на улицу.

— Под сено ховайтесь,—убежденно шептала за его спиной Стефа. Он слышал её горячее, прерывистое дыхание, а обернувшись, встретился с её глазами. Их упрямой мольбе нельзя было не довериться.

Лежа под сеном, Борков впервые остро ощутил безоружность, беспомощность. «Хоть бы какой-нибудь ржавый обрезишко! Только б на сегодня... А завтра — начинать работу, хватит дурака валять!»

Только немцы выехали из села, в сарай вбежала Стефа.

— Пронесло тучу! Чтоб им в пропасть в'ехать! Борис Ильич, скорее вылазьте — что-то скажу!

II.

Наконец Боркова посетил его спаситель—Игнатий Силко. Старик оказался высоким, с густой бородою на худощавом лице. Одет он был в старый дубленый полушубок, на голове его возвышалась пожелтевшая от времени шапка николаевского солдата.

Поздоровавшись, дед Силко долго стоял перед Борковым молча, пристально разглядывая его.

— Вот ты какой, братец... Богатырь земли российской!—В голосе Силко наметилась уже старческая хрипота, но был он ещё сильный, густой.—Такого молодца не в силах загубить враги. А ведь когда подобрал тебя—трупом был, мертвяком! Стало быть, Стефка выходила...

С любопытством и восхищением смотрел Борков на сивобородого Игнатия.

— А ты что на меня уставился, будто я идол какой?..

— Хочу поблагодарить вас...

— Э, братец, об этом не говорят на войне... Только в душе это сохраняют... Сохраняют в душе навеки... А говорить—зачем? Вчера я тебе спас жизнь, завтра ты мою голову от петли отведешь, стало быть... Я к тебе по делу пришёл, по важному делу, а не язык чесать.

— По какому делу?

— Больно прыток. Дай час — поведаю.

Внешняя грубоватость старика, самоуверенность—все нравилось Боркову.

Вздыхнув и покряхтывая, Игнатий Силко опустился на сено.

— Сам-то с каких местов?

— Родом из Омска, а проживал здесь, в Белоруссии.

— Сибиряк, стало быть... Доводилось мне служить с сибиряками. Крепкой народ!..

Дед гладил рукой свою об'емистую бороду, молчал, что-то обдумывая.

— А вот скажи, братец, что это с Россией теперь станется? Ведь отдали её по самоё, стало быть, Москву...—Маленькие, глубоко сидящие под густыми бровями, глаза старика в упор смотрели на Боркова.

Сколько людей говорили Боркову это же самое?! И каждый из них вот так же пыливо смотрел ему в глаза, добивал-

ся ответа, а потом сам делал выводы, давал прогнозы и советы...

Судить об отступлении Красной Армии для Боркова было терзаньем, он гнал от себя всякие мысли, связанные с этим вопросом, а в разговорах с другими старался быть подчеркнуто сухим, лаконичным, чтобы только скорее закончить этот разговор.

Теперь он молчал, но дед настойчиво домогался его ответа.

— Вот я и мышлю: с чего бы это войску нашему перед немцем спиной сверкать? Стало быть, генералы наши маху дали?

— Нет, отец, тут главная причина—внезапность нападения... И ведь мы только временно отступили.

— Знаю, братец, знаю... Нет на свете такой державы, какая бы нас победила. Все равно верх-то наш будет, стало быть... Вот что я тебе поведаю: народом всем бить надо германца, миру всему подниматься!

«Дед не из простых, третий старик,—подумал Борков.—Они, старики наши, упрямые, сивые черти!»

— Да вот ещё которые из наших, прости господи, вертопрахи, германцу зад лжут... Тьфу! Смотреть на них лихо! Ране в колхозе бездельниками да жуликами слыли, а теперь—важные фигуры: поли-цей-ские! Народ грабят заодно с ворами... Скарюты проклятые!..

Борков все более загорался симпатией к деду.

— Вижу,—подвинулся к нему Силко,—правильный ты человек, правильной путей шел и теперь, бог даст, пойдешь... Потому и пришёл к тебе... Я в николаевскую тоже вшу покормил в Карпатах, солоно приходилось, а и теперь, кабы десять годков с плеч, взял бы опять трёхлинейку. Немец не страшен тому, кто его бивал. Русский человек крепше и удалей его.

Высказавшись, Силко долго рылся за пазухой, кряхтел, наблюдая за Борковым.

— Штучку я одну имею,—шептал старик.—Штучка тебе очень даже сгодится.

В руке у старика оказался вороненый пистолет.

— Твой?

Борков взял оружие, посмотрел на номер.

— Да, мой. Спасибо, что сберегли.

— Как подбирал тебя, на ремне была эта штучка... А ко-

ли в людях нуждаешься—говори со Стефкой. Много у ней знакомых людей по вескам!..

III.

Совсем стемнело. В деревне установилось то настороженное, беспокойное молчание, которое каждую минуту может разразиться стрельбой, криками, пожаром. Борков стоял у ворот сарая и ждал, а кого, он сам не знал. Стефа сказала: «Придут двое».

Из-за сарая донесся говорок, затем—шаги. Две черные фигуры выскользнули из-за угла.

— Стой, пароль!—тихо окликнул Борков.

— Минск.

Один из пришедших—низенький, плотный, с грубой шершавой ладонью. Этот рекомендуется:

— Гаркуша.

Другой—высокий, тонкий, цепко задерживает в горячем пожатии руку Боркова.

— Костя Вихрянов.

Вошли в сарай. Пока не ознакомились, разговор шёл принуждённо. Борков понимал, что, хотя эти люди и знают его по довоенной работе в районном селе Липки, все-таки он обязан ознакомить их со своей военной биографией. И он рассказал им о маленьком партизанском отряде, теперь погибшем. Слушали они молча, попыхивая цыгарками—вспышки вырывали из тьмы то лицо Гаркуши с мясистым носом и рыжими усиками, то лицо Кости—молоденькое, устремленное на Боркова.

— С чего надо начинать?—перешел к делу Борков. — С самого главного —с людей...

Он говорил о том, что великие испытания выпали на долю Родины,—и вот теперь-то, именно теперь, каждый гражданин должен показать свою преданность...

— Делом, а не словами,—подчеркнул Борков и начал рисовать картины народной войны. Он забылся —и говорил, сам того не замечая, громко, будто перед ним была целая аудитория, как раньше, до войны...

— Вот ты говоришь, теперь же выводить людей в лес... А не рано ли?—спросил Гаркуша, когда Борков замолк.—Наступает зима, люди не привыкли к лесной жизни, могут спавать, разойтись. Да и не готовы многие, у которых и оружия ещё нет...

— А как теперь на фронте? Сладко? Холод. Сырость. Кругом кровь и смерть... Братья, отцы наши воюют. А нам что же—сидеть и ждать тепла?—В голосе Боркова звучала нотка иронии, и Гаркуша ерзал на сене, наверное, стыдно ему стало за только что высказанную неуверенность в людях. — Нет, пусть теперь пойдут за нами единицы, но зато какие это будут люди? Самый сок народный! Душа народная! Замерзать будут, погибать, идти на виселицу, но не попятятся, не будут искать тепла и уюта!

Долго еще в сарае светились красные точки цыгарок, долго звучали слова Боркова, Гаркуши и Кости.

Впрочем, Костя говорил мало. С этими строгими и суховатыми людьми он чувствовал себя несколько стесненным, потому и держался как-то в тени, хотя в другой среде, молодёжной — брал на себя ведущие роли.

Зато назавтра Костя пришёл к Боркову уже другим. Вечера, при вспышках спичек и папирос, Борков не мог хорошо разглядеть одеянье Вихрянова. Тем сильнее он поразился утром, когда, проснувшись, увидел Костю важно, по-петушиному, расхаживающим по сараю. Голову Кости покрывала белая барашковая кубанка. Из под кубанки на левую бровь свисал начес светлых, будто подкрашенных охрой, волос. Длинная шинель кругом окручена ремнями. Широкий комсоставский пояс, застегнутый на последние дырочки, едва не перерезал Костю пополам. Новенькая хрустящая португез ладно облегла грудь через правое плечо. Рядом с португезей бежал ремешок, на котором висела туго набитая чем-то сумочка. Португезю и ремешок перекрещивала узенькая полоска кожи с пряжкой посредине, переброшенная через левое плечо. — на ней болталась кабура, хотя сам револьвер был заткнут за пояс и прикреплен к нему бисерным немецким шомполом, свисавшим почти до самых колен. Рядом с револьвером за поясом торчала сильно поржавевшая РГД, а левее гранаты, на боку — длинный кинжал. На верхней пуговице левого борта шинели поблескивал электрофонарик. Сугубо-воинственный вид Кости довершал компас, неизвестно почему зацепленный за пряжку португези на середине груди, словно это был не скромный прибор для ориентировки, а, по крайней мере, солидная боевая награда.

— Батенька ты мой!—воскликнул Борков, пораженный снаряжением Кости.—Да ты кругом в доспехах, просто рыцарь! Латы еще, шлем с забралом—и можно отправлять тебя в шестнадцатый век!

Но Костя так серьезно вскинул на Боркова синеватые выпуклые глаза, что у него сразу пропало желание шутить.

— О чем, Костя, думаешь?—уже серьезно заговорил Борков.

— Разрабатываю план нападения...

— План нападения? Это хорошо... На какой гарнизон?

— Пока что на одного волостного старшину...

— Операция стратегически важная,—улыбнулся Борков.

Костя, как бы не заметив этого, утверждающе-серьезно тряхнул головой.

— Да, очень важная. У него мой автомат...

— Твой?

— Пока что не мой, но будет мой... Немцы ему выдали...

— Ах, вон как! Так что же тут долго думать? Надо придти к старшине и забрать оружие. Да за одним разом и его с собой прихватить...

— Все это так, да вот у меня, в случае какой заварушки, стрельнуть нечем...

— А наган?

— Он без бойка...

— Гранатой можно отбиться.

— Да она без запала...

— Фу, какое положеньице!.. А с виду ты—самый грозный вояка.

— Хотел я это дело сегодня ночью...

— Сегодня нельзя. Есть другие соображения,—сухо проговорил Борков.

— Нельзя? Предателя нельзя!—вскипел Костя.—Да вы, товарищ...—он хотел сказать «командир», но не сказал.—Вы, товарищ, шутите?! Врага бить нельзя... Само слово-то какое мякнское: «Не-ель-зя-я-а»...

Борков молчал, ожидая, что скажет Костя дальше.

— Да я клятву дал сегодня же стереть его с лица земли! — все более раскалялся Костя.

— Кому? — спросил Борков.

— Это секрет... Но клятву дал... Нет, вы мне не запретите врага убить!

— Если хотите—запрещаю, — спокойно произнес Борков.

В этом подчеркнутом спокойствии Косте почудилась насмешка над его воинственным порывом. Он заподозрил Боркова в намерении использовать командирский пост в ущерб делу.

— Тогда прощайте!—гневно бросил Костя и, даже не обернувшись в сторону Боркова, побежал к выходу.

Борков вскочил, намереваясь схватить Костю за воротник шинели, удержать, наругать, как мальчишку. Но было поздно: когда Борис Ильич добрался до ворот, Костя поспешно шагнул уже по улице.

«Ах, черт... Кипяток!.. Испортит мой план»,—с досадой подумал Борков и выругал себя за неосторожность.

IV.

Районный старшина Крестовский до войны работал чертежником земельного отдела. Несмотря на свои сорок лет, жил он холостяком, проводил вечера то в ресторанчике, то в своей чертежке—перед бутылкой водки. С приходом немцев Крестовский охотно занял важный пост, мечтая о выгодах. Впрочем, едва ли у него было время мечтать, трезвым его почти никогда не видели.

Занимая теперь просторный дом, Крестовский ничуть не беспокоился о своей безопасности, потому что в Липках имелся многочисленный гарнизон немцев. Да и зачем думать о том, что будет впереди? Не лучше ли выпить бокал спирта и запеть любимую:

 Стаканчики граненые
 Упали со стола!..

Тогда в затуманенной голове всплывут одна за другой картины прошлого—отрадные, милые сердцу картины! Собственный домик с белыми колоннами, офицерские погоны, разгульная жизнь в войсках Каледина...

Игнатий Силко и Костя подошли к квартире Крестовского с огородов.

— Этот ли дом?—шопотом спросил Костя.

— Самый этот... Я десяток разов примечал его.

Липки давно облекла вечерняя туманная мгла. На улицах—тишина.

Костя осторожно отпер калитку.

«Не успел ещё закрыться. Свободненько себя чувствует!»—думал Костя, заходя в прихожую. Здесь слабо светилась электрическая лампочка, но никого не было. Тихо ступая, Костя подошёл к двери комнаты и приложился к ней ухом. Ни единого звука!..

А между тем в комнате находился Крестовский. Он сидел за массивным столом, накрытым белой скатертью, бахрома которой свисала чуть не до пола. Крупная малиновая голова

старшины—с мешками под глазами, с широкой лысиной, с выдвинувшимся вперед подбородком — выражала усталое презрительное равнодушие.

Перед старшиной — графин водки, несколько тарелок с закусками.

— Один, один... — шептал Крестовский. — И так всю жизнь один...

Ещё перед вечером старшина был не в духе. Весь день он с немцами находился в поле, у Залесья. Там, перед глубокой траншеей, расстреливали евреев. Возвратившись домой, когда хмель уже испарился, Крестовский ощутил вдруг какую-то смутную, неосязаемую неприязнь к себе. Что-то мешало ему быть таким, каким он всегда был. Вдруг всплыли перед глазами картины убийств, лица людей, искажённые предсмертным страхом, брызги крови... И вместе с этими картинами зазвенело в ушах, как бы послышались выстрелы, автоматная дробь.

— Водки, Марковна! — крикнул Крестовский, оборвав жуткие воспоминания, граничащие с галлюцинацией.

Водка появилась и он принялся за неё. После двух стаканов кровь блаженно заходила по жилам, залоснились глаза, покраснела лысина.

— Да, жизнь в водке! — рассуждал Крестовский сам с собой. — Радость приходит после двух бокалов!

Костя уверенно постучался в дверь.

— Вежливость — прежде всего! — вдохновенно, с упоением произнес он, метнув на бородатого Силко лукавый взгляд.

«Орел! — подумал дед Игнат. — Умеет хорошее слово сказать, когда требуется! Шутит в сурьёзную минуту, это хорошо!»

Костя открыл дверь и сразу — к столу, за которым сидел Крестовский.

— В вашей хате советская власть! — твёрдо об'явил Костя и в подтверждение слов брякнул на стол вынутую из-за пояса РГД.

Пьяный Крестовский захохотал. Дверь, ведущая в спальню, приоткрылась, и в отверстие высунулась голова старушки-прислуги.

— Спать, бабусенька, спать! — замахал руками Игнатий Силко. — Зачините двери!

— Руки вверх! — крикнул Костя, прерывая хохот старшины.

— И шутники же вы, господа,—громко и весело заговорил Крестовский. — Придумали: советская власть! Далеко она теперь, советская власть, а скоро и совсем испарится...

— Ах, ты, сволочь! — вскипевший Костя ударил Крестовского по голове и поднес к его лицу револьвер. — Встать! Руки вверх!

Только теперь старшина поднял руки.

— Повторяю: перед тобой представители советской власти,— твёрдо, несколько напыщенно сказал Костя. — Где автомат?

— Н-нету... Н-не дали мне.

— Врешь, стерва! Даю минуту на раздумье. Твоя жизнь в наших руках! — Глаза Кости блеснули повелительно.

Старшина пал на колени.

— Виноват, братцы... Прощенья молю... — Он ползал в ногах у Кости, пытаясь губами дотянуться до его сапог, но Костя отходил от него, поражённый подлым угодничеством.

— Есть, есть автомат,—задыхаясь, скулил Крестовский. — Немцы дали, будь они прокляты, совратители! — Старшина затрясся в приступе надрывного плача.

Костя вытащил из-под стола автомат, на комодке подобрал запасные обоймы к нему.

— Встань, скариот!—пнул Крестовского Игнат Силко.—С нами пойдешь.

Старшина забился в приступе страха, заревел грудным истошным ревом:

— Куда ж вы меня, братцы... товарищи... Я же не сам. Водка меня сгубила!..

V.

Тяжело, глухо шумит лес. Плывут над лесом глыбы свинцовых туч, готовые вот-вот свалиться на него, смять толстые, размашистые ели, опрокинуть, обрушить их на ветхие шалаши, разбросанные вокруг полянки.

Ветер, не найдя в себе сил пробиться сквозь трехкилометровую толщу леса, досадно стонет на вершинах деревьев.

Вечереет.

Откинув плащ-палатку на гребень шалаша, Борков вышел в лагерь. Запах смолистого дыма сразу ударил в нос. Костры горели почти около каждого куреня. Над огнем висели закопченные котелки и ведра, чайники и чугунки—варился ужин.

«Надо бы общую кухню,—думает Борков.—Неудобно, что каждый сам себе повар...»

Командир сделал несколько шагов, рукой отводя от лица ветви.—«Ах, проклятая погода!—ощутил он острое нытье в плече.—Надо же целый день болеть!»

— Дежурный!

Подбежал партизан в длинной шинели. Придерживая левой рукой эфес клинка, козырнул, звякая шпорами:

— Слухают, товарищ командир!

Глаза смотрят пристально и строго, рот напряженно сжат.

— Объяви, чтоб костры тушили...

— Есть! — и четко повернулся, побежал от Боркова.

«Красивый парень!—думал Борков.—Как у него все ладно получается...»

А дежурный шагал между шатров, и от них доносился его звонкий начальственный тенорок:

— Хлопцы, командир приказал тушить костры, бо вже скоро ночь и их далеко видно!

— А где же портянки досушивать?!

— Хорошо, у командира сапоги не промокают...

— Портянки дома на печке досушишь!—весело отвечал дежурный.

— Дай хоть картошку доварить...

— В животе спечется! Тушить, тушить костры—командир приказал!

Борков смотрел на всё внимательными хозяйскими глазами. Блекли костры. Люди укладывались на ночлег или в шалашах, или на теплой земле, сдвинув с нее угли.

Вот он новый, только что созданный отряд! «Какая смесь одежд и лиц!»—вдруг пришли в голову слова великого поэта. Здесь были люди от шестнадцати до пятидесяти лет — местные коммунисты и комсомольцы, лейтенаты и бойцы Красной Армии, попавшие в окружение и не сложившие оружия. Их объединяла в отряде могучая сила—сила ненависти к врагу, сила любви к Родине.

Но Борков знал, что для успешной борьбы одного этого ещё мало. Перед ним было товарищество, еще не сдавшее боевого экзамена, ещё молодое, могущее в любой момент распасться под действием самых незначительных сил. На некоторых людях, замечал командир, лежит ещё печать робости, неуверенности, страха... И как в этом винить людей, если они весь свой недолгий боевой путь провели в отступлении?!

Да, ему из всей этой массы надлежит сделать единый, крепкий отряд. Надо шаг за шагом вырабатывать из людей воинов-партизан, в любых условиях способных на боевую удачу... Знал он, что словами тут мало достигнешь. Нужны дела. А главное—не допустить ошибки с самого начала: первое боевое дело должно быть обязательно успешным. Нужна победа, пусть не очень чувствительная для врага, но умная и эффективная, такая, о которой долго бы рассказывали друг другу партизаны, смеясь и подмигивая при интересных воспоминаниях. Успех окрылит, породит веру в свои силы, чувство превосходства над противником, боевое тщеславие. И хотя после первой победы могут случиться неизбежные неудачи, они не поколеблют в людях благотворных последствий первой победы.

Борков возвратился в шалаш. Угли потухающего костра светились фиолетовым пламенем. У костра, сидя на зелёных ветках, Гаркуша уткнулся в блокнот, вертел в руках карандаш.

— Ну как, закончил, Гордеич?

— Уже.

— Читай.

— Слушай... Объявление...

— Что такое?

— Объявление...

Борков тихонько усмехнулся.

— Это когда в колхозе собрание или кино в клубе, тогда пишут объявления... А мы — военные люди, приказы должны писать.

— Я все по-старому, как голова колхоза. Ну, ладно. Читаю дальше...

— Давай, давай...

— Населению временно оккупированной территории...

— Добре, хорошо...

Комиссар Гаркуша долго читал простые, горячие слова первого приказа партизанского отряда. Кончался приказ призывом: — Товарищи! Срывайте все мероприятия немцев! Вступайте в партизанские отряды! Красная Армия придёт! Скоро над Белоруссией вновь засияет солнце!

* * *

Рано утром дежурный приоткрыл вход в штабной шалаш.

— Товарищ командир, тут один дед к вам просится...

— Что ещё за дед? Введи, — приказал Борков, а сам подумал: «Вот бы Игнатия Силко сюда», — и обрадовался.

услышав густой, басовитый говор Игнатия.

— Не пускать меня? А того не ведаете кем я вашему командиру довожусь? Может, отец родной али больше!

Войдя в шалаш, Силко чинно подал руку Боркову, потом Гаркуше.

— В комиссарах теперь? Высоко, братец, прыгнул! — И полушопотом — Боркову: — Мне вас по важнейшему секрету, стало быть...

— Говори, мы с комиссаром — одно и то же.

Игнатий Силко недоверчиво покосился на Гаркушу, видимо, не желая, чтобы тот знал «важнейший секрет». С минуту старик мялся, потом неохотно начал:

— Стефка-то ушла... С Костей ушла, а где теперь — не ведомо... Уходила когда, разругались мы с ней. Не пускал, молода больно, да куда там! «На немца иду, — кричит, — клятву дала!».

— Клятву? — переспросил Борков, вспомнив, что Костя в сарае тоже говорил о клятве.

— Приказ бы ты дал, строжайший — назад чтобы пришла... Какой из неё солдат — смех один!..

— Это как же понять, Игнатий Савелич?

— Так, стало быть, и понять — в дом чтобы возвратилась...

Борков и Гаркуша весело переглянулись.

— Если она желает немца бить, запретить ей этого не могу.

Долго пришлось уговаривать старика, чтобы он согласился с этим. Провожая его, Борков заговорил таинственно-важно:

— А у меня дело для вас есть, Игнатий Савелич... Хорошее и как раз по вашим годам.

— Не по годам дела мне давай, а по важности... Толкуй, какого смысла дело?

— Поехать в Липки, на базар, что-ли... Требуется пустить слух, что из этого леса большой партизанский отряд ушёл под Песчанку. Да так слух пустить, чтобы он до немцев дошёл... Через какого-нибудь прислужника ихнего.

— Разумею, разумею... Разве затеваете что?

— После узнаешь, Игнатий Савелич.

VI.

Костя ехал по узкой тропе. Вороная кобылка грызла удила, дыбила уши, лоя лесные шорохи, посвисты птах, стук дятла.

Всадник гордо восседал в добротном немецком седле. Время от времени он постегивал коня коротенькой толстой плеткой, улыбался, насвистывал лёгонькие мотивчики. В лесу, обступившем его со всех сторон, было хорошо. Давно уже не стало комаров, мух и мошканы, спокойствие вселилось в лес. Стояло чудесное бабье лето — блаженная, ободряющая прохлада, время грибов, брусники, черники. Из-под мохового ковра на Костю соблазнительно поглядывали красные и черные гроздья ягод.

Как хорошо было бы в такой день очутиться в лесу со Стефой, взять её за руку, идти и идти, без цели и маршрута, слушать ее милое щебетанье, самому молчать, повторяя про себя одно лишь ее имя: Стефа! Моя родная Стефа!..

Но теперь Косте не до таких вольностей. Он спешит к Боркову, он занят важными делами.

«Вот явлюсь, спрыгну с коня, подойду к Боркову, руку подам... Здравствуй, лесной полководец! Так и скажу — «лесной полководец» — чтобы насмешку понял. Тоже мне, Денисы Давыдовы! Сидят в лесу уже две или полторы недели... А когда же воевать?»

Вы, товарищ Борков, запрещали мне убивать врага, а я со своими хлопцами уже пятерых ухлопал. Четырех кавалеристов на шоссе подкараулил. Судите меня... А если хотите, могу подарить вам трофейного коня с седлом. Возьмите, мне не жаль, у нас еще три есть...»

Кобылка наострила уши, вытянула шею, перестала грызть удила, словно прислушиваясь к Костиным мыслям.

«Фу, чорт! Какие глупости в голову лезут!» — оборвал Костя свои раздумья.

Проехав через постовых, придиравшихся то к плетке, то к маузеру, Костя остановил вороную около штаба, выскочил из седла, немного отбив себе пятки, и, оглядев множество шалашей, почувствовал в себе робость и уважение к Боркову. «Вот где сила-то! Какие дела можно творить! А я — на Крестовского одного... Герой!»

Борков не вышел из шалаша. «Это он нарочно!» — подумал Костя, которому пришлось, откинув палатку, произнести:

— Разрешите!

— А-а, рыцарь явился! Давно тебя жду. Где ж ты пропадал? — Улыбаясь, Борков крепко пожал Костину руку. — Слышал о твоих делах на шоссе: молодец! — И ещё раз повторил: — Молодец!

Костя почувствовал стыд за свои дорожные мысли. «Ну и глуп же я, что такого человека хотел на смех выставить. Глуп, глуп...»

— Да ты садись, Костя, вот у нас и стулья,—показал Борков на толстые сосновые чурки.—Расскажи все по порядку.

— Нечего рассказывать... Хлопнули четырёх кавалеристов на шоссе. Вот и трофеи,—похлопал Костя по деревянной колюдке маузера.—Но я о другом хотел, Борис Ильич.—Он встал, вытянулся по-военному.—Разрешите доложить?

Лицо Кости приняло торжественное, вдохновенное выражение.

— Доложите.

— Комсомольцы села Новодворки вышли в лес. Все вооружены. Решили влиться в ваш отряд...

— Прекрасно!—ответил Борков.—Ты, выходит, не только террорист,—усмехнулся он,—но и хороший организатор...

— Я готовил их два месяца, а шутить над собой не позволю, товарищ командир!—Выпуклые глаза Кости ещё больше округлились, тонкие губы туго сжались в одну черту.

— В том-то и дело, товарищ Константин Вихрянов, что это не шутка. Во-первых—вот...—Борков порылся в кармане гимнастёрки, нащупал там бумажку, вынул и, развернув, протянул её Косте. —Читай.

Костя сразу схватил глазами крупным шрифтом отпечатанные слова: «Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)».

— Это мой мандат,—сказал Борков.—А, во-вторых, товарищ Вихрянов, не надо соваться раньше времени туда, куда не следует. Почему я запретил тебе идти к Крестовскому? Я имел в виду, что скоро мы всем отрядом двинем на Липки. Разбить это вражье гнездо — наша первая задача. А ты малость поторопился. Убийством Крестовского ты только напугал немцев, теперь они насторожились.

— Но ведь Крестовский такая сволочь!

— Мало пользы убить его одного, надо сразу убить десять крестовских и сто фашистов. Вот это будет работа!.. Конечно, когда мы приступим к боевым действиям, мы будем бить врагов и по одному и пачками, сколько под руку попадётся. Но первое наше дело надо сделать так, чтобы оно ошеломило врагов, чтобы от страха покарежились они на сто верст вокруг, чтобы и нам—добрая слава, и врагу —по первое число досталось!

Чувство раскаяния росло в душе Кости, но он не находил силы, чтобы сознаться в этом. Он слушал Боркова, — и в его глазах тот вырастал в умного, далеко видящего командира. Теперь Косте свои боевые дела показались совсем маленькими — и организация комсомольцев, и клятва убить Крестовского, данная Стефе, и убийство само, и даже засада на шоссе... «А главное — эпизод с этим проклятым Крестовским, чтоб ему в земле перевернуться!» — В уме выругался Костя.

— Дайте задание моей комсомольской группе, товарищ командир. — Всё сделаю, что прикажете...

— Об этом и будем говорить. — Борков прошёлся из угла в угол. — Ты видишь, отряд наш пока незрелый, люди ещё не испытаны. А есть одно важное дело. Его я могу доверить только вам, комсомольцам...

— Какое же дело? — нетерпеливо выпалил Костя.

— Надо провести тщательную разведку гарнизона Липок...

Борков расстегнул планшетку, достал в несколько раз сложенную карту, расстелил её на столике.

— Будем планировать...

Они склонились над картой.

...Через час Костя выехал к своей группе. Обрадованный, окрыленный, скакал он в седле и не видел ни леса, ни остро поставленных вперёд ушей лошади, ни её беспокойно косящего глаза... Между бровей Кости легла складка. После разговора с Борковым он словно повзрослел. Борков сказал: «Липки — наш лучший подарок к годовщине комсомола». Да, скоро годовщина... Костя приедет к своей группе, выстроит хлопцев, скажет им: «Скоро годовщина комсомола. Лучший подарок ей — Липки»...

Лес словно раздвинулся, Костя не видел деревьев. В его воображении вставали Липки, их улицы и закоулки, и сам Костя со своими товарищами бежал по этим улицам, стреляя в команду...

А Борков, проводив Костю, прошелся около шалаша беспокойно подумал: «Начудит что-нибудь Костя. Горяч, несдержан»...

VII.

Рассвет...

В лесу, в ста метрах от шоссе, стоит большой шатер. В нём расположилась разведгруппа. Костя с открытыми глазами лежит на спине. Обнял автомат. При свете можно было бы увидеть перемену в лице Кости: щёки ввалились,

глаза стали ещё выпуклее, кончик носа заострился, а на верхней губе побилась реденькая рыжая щетинка.

Несколько суток Вихрянов почти не спал — руководил разведкой. Все дороги и тропы, ведущие в Липки, обследованы. Каждый дом, где немцы работают днём или спят ночью, занесён на план.

Разведка Липок закончена. Наступает день разгрома врага, день, который Костя ожидает с нетерпением.

Медленно приходит рассвет сквозь кисею дождя. На востоке сереет горизонт. Выступают из тьмы контуры высоких деревьев.

Костя давно не спит...

Всё закрыто непроницаемым полотном времени. Приоткрыть бы его, на миг заглянуть в будущее, узнать, что сегодня произойдёт? Какую ещё картину приготовила война глазу Кости? Где на этой картине Константин Вихрянов, молодой партизан с автоматом в цепких руках?

Бой. Дым. Пожар. Не он ли, не Костя ли это в углу картины лежит, распластавшись, с дымящейся раной в груди, с залихватским начесом охровых волос, упавших в дорожную пыль?

Над ним молчаливо склонились Стефа и другие боевые товарищи. Осторожно, торжественно берут они Костю и несут на руках... Стефа идёт около его головы, грудь её распирают тяжелые вздохи, из глаз вот-вот брызнет слеза... Она поправляет растрепавшиеся, запачканные в пыли волосы его и думает о том, какой, в сущности, прекрасный был парень Костя и как несправедливо гордо вела она себя по отношению к нему...

Нет, закройте непроницаемое полотно времени! За ним — не картина наступающего дня, а всего лишь иллюзорные шалости уставших Костиных нервов. Другую картину утвердит сегодня Костя.

Победа. Презренная черно-зеленая масса врагов подняла вверх свои грязные щупальцы — руки, а он, русский двадцатилетний комсомолец, стиснув автомат, стоит перед ней, как грозный мститель.

И это — будет! Костя ясно видит себя вихрем влетающим в здание жандармерии, слышит суровые слова своего приказа: «Ни с места! Сдать оружие!».

Как упоительно-сладостно забьется сердце Кости, когда он будет стоять победителем перед поверженными врагами! Каким вдохновенным огнём зажгутся глаза его!

...Вблизи — шелест мокрых кустов, шопот, тихий свист. Костя встает, подтягивает на себе ремни.

— Под'ём, хлопцы! Отряд пришёл.

Десять разведчиков молча поднялись. Они тоже не спали перед боевым днём.

Костя вышел из шалаша, свистнул.

— Сюда, сюда, товарищ командир!

Подошёл отряд.

— У вас всё в порядке? — спрашивает Борков.

— Да, мы готовы.

— Можно отдыхать! — командует Борков отряду. —

Располагайтесь, товарищи!

Борков созывает командиров. Долго в шалаше изучается план, обсуждаются различные варианты нападения на гарнизон. Наконец, отряд выстраивается...

— Сегодня вечером продвинемся к Липкам. Перед утром нападём, — говорит Борков, оставшись с Костей, и, взглянув на строй разведчиков, спрашивает: — А где же Стефа?

От этого вопроса Костя оживляется, глаза его озорно блестят.

— «Начудил что-нибудь, — мелькает в голове Боркова. — Ну и накажу! Не возьму на боевую операцию»...

— Об этом я и хотел доложить, товарищ командир. Да вы были всё заняты... — озорные глаза Кости чуть сужаются. — Стефа на посту, машины охраняет.

— Какие машины?

— Мы тут задержали на шоссе... Две машины. Я подумал: пригодятся нам в Липки ехать.

— В Липки? — удивленно протянул Борков и обрадовался: — Это же удача, товарищ Вихрянов! Это же... — командир взволнованно бегал глазами по фигуре Кости и не мог подобрать слова благодарности: — Дай же руку!

...Мощно гудят моторы. Веером летят из-под колёс грязные брызги. Потрескивает гравий. Бегут навстречу телеграфные столбы...

Ошетинились два кузова дулами автоматов и винтовок. Костя жадно смотрит вперёд. «На Липки, на Липки!» — чудятся ему слова в свисте встречного ветра. В висках стучит горячая кровь. Руки крепко сжимают автомат. В первый бой!

Когда машины вышли на возвышенность, невдалеке показались Липки. Белое здание немецкой жандармерии возвышается над пёстрыми крышами хат.

Вперёд, вперёд!

Всё ближе Липки. Вот уже и красная разбитая мельница, вот и мост. На ремонте дороги работают крестьяне. Удивленно, недоумевающие смотрят они: что за народ в кузове?

— Привет, товарищи! — во весь голос кричит Костя, размахивая автоматом.

И, услышав слово «товарищи», люди машут руками, бросают в воздух шапки. «Наши, наши хлопцы! Партизаны!»

Мощно режут моторы. Легко дышать. Грудь распирает от полноты воздуха. словно струны цимбал, натянуты нервы. Мускулы налились беспокойной силой.

На Липки!

И вот уже село. На развилке дорог стоит немец-часовой.

Стоп!

Костя выскакивает из кузова.

— Сдать оружие!

Немец ошеломлен. Что-то испуганно бормочет...

— Лезь пока на машину, после разберёмся!

И снова — вперёд, к сердцу вражьего гнезда. Черепичные, тесовые, железные крыши хат мелькают, кружатся, рябят в глазах.

Даёшь Липки!

Вой моторов резко оборвался напротив белого здания. Машины остановились.

— Все — по своим местам! — властно командует Борков. — Разведчики — проводниками!

Вместе с Борковым и группой партизан Костя стремительно врывается в белое здание. Автоматный стук. Глухие выстрелы. Крики.

Свежий ветер гуляет по улицам Липок!..

* * *

Придерживая раненую руку, Костя поспешно вбежал по ступенькам крыльца в районную больницу. Никого не встретив в коридоре, зашагал к дальней двери с эмалевой вывеской: «Главный врач».

Войдя в кабинет, увидел за столом низенького старичка в пенсне.

— Почему пусто? Где сотрудники?

— Мой юный друг, — пискливо заговорил старичок. — Если вам угодно видеть медицинский персонал, он перед вами. Один я... Здесь моя частная приёмная... Работаю теперь за кусок хлеба... Что вам угодно, мой друг?

— Медикаменты для партизанского отряда! — злобно выпалил Костя, которому старичок не понравился.

— Всё будет, всё для вас, мой юный друг, — засуетился врач.

— И потом — перевяжите мне руку, захватило маленько, — уже более мягко попросил Вихрянов.

За окном ещё хлопали одиночные выстрелы. Костя торопился. Слишком долго возится с рукой этот врач!

— Все готово, мой юный друг...

Костя раскрыл дверь и попятился назад. На пороге неожиданно-негаданно выросла Стефа. Большие серые глаза её смотрели взволнованно и вопросительно. И Костя не мог оторваться от них, словно они привязали его незримыми нитями.

— Костя! — не то порицающе, не то одобрительно вскрикнула Стефа. — Что же ты запропал? Мне сказали, ты ранен, и я ищу тебя...

— Вот видишь, задело немного... — он качнул оплетённой бинтами рукой, висевшей на перевязи.

— Идём скорее! Отряд уже в сборе!

Они пошли рядом, и Стефа что-то говорила, торопясь и немного захлебываясь словами. Но Костя совсем не слушал её, он был взволнован счастьем её близости.

